

Посвящается Майклу Питчу

1

13 октября

Ночь в Городе огней наступила рано. Густые тучи скрыли луну, и уже после двенадцати часов Париж совершенно не соответствовал своему прозвищу. Даже здесь, у реки, было темно и безлюдно: местные жители по будним дням так поздно не выходят, а для туристов и влюбленных парочек слишком холодно. По берегу быстрыми шагами шел только один прохожий. Воротник пальто поднят, чтобы защититься от холода. По Сене, будто призрак, бесшумно скользил к пристани длинный прогулочный теплоход с панорамными окнами. Ужин на борту закончился, за столиками пусто. А в остальном променад у реки был полностью в распоряжении одного человека.

Впрочем, «променад» — слишком громкое слово для узкого тротуара, выложенного старинной каменной плиткой и лишь чуть-чуть поднимавшегося над кромкой воды. Но даже ночью отсюда открывался впечатляющий вид: прямо напротив — остров Сите с темной громадой Лувра и башнями Нотр-Дама. Лишь отчасти скрытые мостом Дубль, они тянутся к угрожающе-мрачному небу.

Мужчина сидел на узкой скамейке возле деревянных лесов: часть старинного моста реставрировали. Каменная стена у него за спиной поднималась на высоту двадцати футов, а сверху время от времени доносился шум машин, проезжавших по набережной Монтебелло — транспортной артерии на южном берегу Сены. Через каждую четверть мили от улицы к променаду спускались каменные лестницы с потертыми ступенями. Редкие лампы, закрепленные высоко вдоль подпорной стены, озаряли мокрую мостовую узкими полосками желтого света. Ту, что висела над головой сидящего мужчины, сняли в связи с ремонтом моста Дубль.

Вдалеке показался жандарм в непромокаемом плаще. Вот он поравнялся со скамейкой. Насвистывая песню Джо Дассена, страж порядка улыбнулся и кивнул мужчине. Тот наклонил голову в ответ и закурил «Голуаз». Он спокойно смотрел жандарму вслед, пока тот не скрылся под мостом. Разносившаяся эхом мелодия «*Et si tu n'existais pas*»¹ удалялась.

Мужчина сделал глубокую затяжку, потом вытянул руку и устался на горящий кончик сигареты. Движения медленные, усталые. Ему хорошо за тридцать. На нем шерстяной костюм безупречного кроя. Между стильными итальянскими ботинками стоит потертый, битком набитый кожаный портфель «гладстон». Такой легко представить в руке успешного юриста или врача с частной практикой на Харли-стрит. Рядом с мужчиной к скамейке прислонен блестящий новенький самокат. Этот человек ничем бы не выделялся из длинного ряда процветающих парижских деловых людей, если бы

¹ Название знаменитой песни Джо Дассена.

не черты лица: впрочем, в темноте разглядеть их не просто. В них есть что-то экзотическое, но точную принадлежность определить трудно. Азия? Казахстан? Турция?

Тут к приглушенным шумам большого города присоединился звук приближающегося велосипеда. Мужчина вскинул голову. На верху ближайшей лестницы показалась фигура, одетая в черные нейлоновые шорты и темную спортивную майку. На спине рюкзак со светоотражающими полосками, сверкнувшими в лучах фар проезжающей машины. Подтащив железного коня к ограде, велосипедист пристегнул его к ней, щелкнул замком, спустился по лестнице и подошел к мужчине в костюме.

— *Ça va?*¹ — спросил он, усаживаясь на скамейку.

Несмотря на ночной холод, его одежда намочена от пота.

Человек в костюме пожал плечами.

— *Ça ne fait rien?*², — ответил он и снова затянулся сигаретой.

— А самокат тебе зачем? — продолжил на английском ночной гость и спустил с плеч ляжки забрызганного грязью рюкзака.

— В подарок сынку.

— Не знал, что ты женат.

— Разве я что-то говорил про жену?

— Так мне и надо — полез не в свое дело, — рассмеялся велосипедист.

Мужчина в костюме бросил окурочек в реку.

¹ Как дела? (*фр.*)

² Неважно (*фр.*).

— Ну, как все прошло?

— Хуже не придумаешь! По рассказам твоего человека, ожидал совсем другого. Думал, парк глухой и полузаброшенный, никто там не ходит. А он, *putain de merde*¹, втиснут аккурат между вокзалом Монпарнас и Катакомбами!

Человек с экзотической внешностью пожал плечами:

— Парижан трудно шокировать.

— Такое даже в Париже не каждый день увидишь.

Тут показалась державшаяся за руки пара. Собеседники замолчали и уставились на реку. Двое прошли мимо, даже не взглянув в их сторону. Молчание нарушил мужчина в костюме:

— Но там ведь никого не было, верно?

— Да. С местом повезло — за стеной на улице Фруадево. Чуть-чуть подальше, и из окон жилого дома напротив меня было бы видно как на ладони.

— Наверное, попотеть пришлось?

— Да нет, вот только не шуметь оказалось трудно. Да еще этот проклятый дождь! Угораздило же его полить именно вчера! Вот, гляди!

Велосипедист указал на кроссовки, еще больше облепленные грязью, чем рюкзак.

— *Quel dommage*².

— Спасибо огромное.

Мужчина в костюме поглядел сначала вправо, потом влево. Никого, кроме двух влюбленных голубков, уже почти скрывшихся вдаль.

— Ну, показывай.

¹ Французское ругательство.

² Как жаль (*фр.*).

Тот взял рюкзак и расстегнул молнию. Внутри — еще больше грязи и нечто завернутое в слои брезента, воздушно-пузырчатой пленки и мягкой замши. Из рюкзака вырвалась отвратительная вонь. Мужчина в костюме достал из кармана фонарик и тщательно осмотрел содержимое. Одобрительно хмыкнул.

— Молодец, — похвалил он. — Долго досюда ехал?

— Минут десять. Добирался переулками.

— Ну ладно, ни к чему задерживаться дольше, чем нужно.

Мужчина в костюме наклонился к портфелю, стоявшему между его колен. Щелкнул замок. Крышка откинулась. Внутри что-то мимолетно блеснуло отраженным светом.

— Что там у тебя? — поинтересовался велосипедист, заглядывая внутрь. — Оплату пластиком не принимаю. Драгоценными металлами тоже.

— Да так, ничего. Твои деньги здесь.

Мужчина похлопал по нагрудному карману пиджака. Полез внутрь. Велосипедист ждал. Вдруг, не вынимая руки из кармана, мужчина резко вскинул голову.

— погоди секунду! — прошептал он, наклоняясь к приятелю. — Кто-то идет.

Инстинктивно тот тоже подался вперед. Мужчина в костюме положил руку ему на плечо, как бы показывая, что встреча сугубо личная, и одновременно пряча их лица от случайного прохожего. Вот только мимо никто не шел. Променад был пуст. Другая рука вынырнула из кармана пиджака, сжимая «Spyderco Matriarch—2» — тактический нож. Его тонкое острие в форме перевернутой буквы «S» предназначено только для одной цели. Благодаря вейву Эмерсона — крючку,

встроенному в обух, — из кармана мужчина извлек уже открытый нож.

Оружие мелькнуло стремительной черной тенью и вонзилось между вторым и третьим ребром. Острие погружалось все глубже, разрезая главные артерии над сердцем, потом выскользнуло наружу. Мужчина в костюме быстро вытер лезвие о шорты велосипедиста и одним ловким движением спрятал нож обратно в карман. На все это ушло секунды две, не больше.

Его жертва не двигалась. На лице застыло ошарашенное, потрясенное выражение. Хотя полость грудной клетки уже наполнялась кровью, рана была настолько мала, что через прорезь в футболке просачивались лишь редкие капли. Тем временем мужчина в костюме полез в «гладстон», достал тяжелую стальную цепь и висячий замок. Больше в портфеле ничего не было, если не считать толстой подкладки из резины и латекса. Встав и убедившись, что в поле зрения по-прежнему никого, мужчина схватил стальной самокат, сложил его, прижал к груди велосипедиста, обернул вокруг него безвольно повисшие руки и обмотал их цепью. Плотно затянул ее и скрепил концы замком. Снова окинул взглядом сначала променад, потом противоположный берег реки. Наконец мужчина поднял велосипедиста и потащил в темноту под мостом, к кромке воды. Перебросив его ноги через бордюрный камень, разжал хватку. Тело тихо соскользнуло вниз.

Все это заняло еще десять секунд.

Едва заметно отдуваясь, мужчина наблюдал, как труп медленно скрывается из вида, погружаясь на глубину под весом цепи и самоката. Потом мужчина вернулся обратно к скамейке, осторожно переложил свер-

ток из рюкзака велосипедиста в «гладстон» и закрыл и то и другое. На секунду замер, поправляя галстук и разглаживая пиджак. Потом быстро зашагал по тротуару, поднялся по каменной лестнице, прошел мимо велосипеда и на ходу бросил рюкзак в ближайшую урну.

Закурив еще одну сигарету «Голуаз», мужчина удобнее перехватил портфель, потом поймал такси на площади Сен-Мишель.

2

Час спустя

Клайв Бентон сбросил скорость и на своем винтажном «форд-фальконе» свернул с Вайлд-Айриш-роуд и выехал на пыльную проселочную дорогу. Убедившись, что с трассы машину больше не видно, Бентон вылез из «фалькона», поднял крышу и повесил на плечи небольшой рюкзак. Достав телефон, загрузил навигатор для любителей пешего туризма, определил свое точное местоположение, наметил маршрут и зашагал через лес. Высокие ели и сосны росли редко, и большие пустые пространства между деревьями облегчали продвижение вперед. Несмотря на осень, в воздухе не чувствовалось ни малейшей прохлады. Он по-прежнему обманчиво теплый, тяжелый и вялый. Поглядев на восток, Бентон увидел за деревьями предгорья далеких пиков Сьерра-Невады, напоминавших серые клыки на фоне голубого неба. Скоро вершины скроются под снегом.

Бентон — историк, и о прошлом этих мест ему известно все, что способен узнать человек, живущий в наше время. Здесь находился эпицентр калифорнийской золотой лихорадки 1849 года — ныне исторический ре-

гион Золотая страна в округе Плэсер. Гидравлическая добыча золота испещрила горные склоны шрамами и пустотами. Гигантские струи воды разрушали грунт. Так золотоносный песок пропускали через огромные рудопромывочные желобы, добывая частицы драгоценного металла. Но эти дни давно в прошлом. Теперь предгорья в западной части горной системы Сьерра-Невада, примерно в сорока пяти милях от Сакраменто, по большей части не заселены. Бывшие городки старателей с такими названиями, как Датч-Флэт, Голд-Ран, Монте-Виста, Ю-Бет и Ред-Дог, переживают не лучшие времена. Некоторые полностью исчезли, но в других нашлись смелые предприниматели, восстановившие хижины золотодобытчиков и деревянные гостиницы и сделавшие из них туристические достопримечательности или места летнего отдыха. Расчет оправдался: район и впрямь начал привлекать потоки туристов, любителей походов и желающих снять дом на лето. Наконец пришло время строительного бума, наступление которого предсказывали годами.

До сих пор кое-где можно наткнуться на особняки времен золотой лихорадки, принадлежавшие тем немногим счастливицам, кому удалось разбогатеть. С запертыми ставнями, полуразвалившиеся, они скрываются в долинах или стоят посреди равнин. Бентон остановился, проверяя, в правильном ли направлении идет. Он приближался к развалинам одной из таких усадеб. Этот дом имел для него особое значение. GPS-навигатор показывал, что цель путешествия находилась в тысяче ярдов к востоку от его нынешнего местоположения. Чтобы до нее добраться, нужно было перелезть через низкий кряж. Особняк носил название

Доннер-хаус, поскольку когда-то принадлежал дочери Джейкоба Доннера, переселенца из печально известной партии Доннера.

Бентон продвигался вперед осторожно и тихо, стараясь держаться тенистых участков леса. На кряж поднимался медленно. Между деревьями виднелось что-то оранжевое и желтое, кое-где на солнце вспыхивал металл. Бентон понял: это два больших бульдозера, стоящие наготове на дороге, проложенной еще старателями. Эти два монстра вот-вот обрушат всю свою мощь на Доннер-хаус и превратят усадьбу в гору кирпича, штукатурки и обломков деревянных балок, освобождая место новому полю для гольфа и району многоквартирных домов на берегу реки Бэр.

Подойдя ближе, Бентон разглядел силуэты бульдозеров и фуры, в которой их сюда доставили. Двигатель фуры работал вхолостую. Пары дизельного топлива смешивались с сигаретным дымом. Переговаривались рабочие. Бентон обогнул их по широкой дуге и быстрыми шагами пересек дорогу в месте, которое от машин не просматривалось. Спускаясь с кряжа, Бентон наконец смог разглядеть старинный дом — ранний образец испанского колониального стиля возрождения. Клайв приблизился к низкой стене на краю леса, обозначавшей границы усадьбы. Спрятавшись за ней, он внимательно осмотрел дом. Когда-то особняк выглядел внушительно: с одной стороны длинный низкий фронтонный портик, покрытый побелкой, а над ним мавританский купол и башня. Но крыша из красной черепицы провалилась, а на месте отсутствующих окон остались зияющие черные дыры. Обширный сад и ден-

драрий разрослись и превратились в дикие, почти непроходимые джунгли из сорняков, засохших кустов и породистых деревьев, загубленных ползучими растениями-паразитами. Само здание заросло плющом, сплошь покрывавшим стены и вырывавшимся через дыры в крыше. «Вот он, живой пример того, что все на свете преходяще», — пронеслось в голове у Бентона. *Sic transit gloria mundi*¹. Что за преступление — уже завтра всего этого не будет! Бульдозеры оставят от усадьбы лишь обломки да клубы пыли. Защитники архитектурных памятников изо всех сил старались спасти старинные развалины, но многочисленные потомки хозяев, уже пятьдесят лет оспаривавшие друг у друга право владения собственностью, нашли только одно решение проблемы: снести здание и продать землю. Шуршание долларов от застройщиков заглушило мольбы защитников усадьбы.

Бентон оглянулся на горный кряж. Рабочие выгрузили бульдозеры, и фура глухо зарычала, извергая черные облака. Вот она отъезжает. Рабочие — Клайв насчитал четверых — стояли рядом со своими машинами, однако уезжать не спешили. Похоже, собирались в последний раз осмотреть дом перед сносом.

Этого еще не хватало! Надо поторапливаться. Строго говоря, действия Бентона можно охарактеризовать как незаконное проникновение, но он оправдывал себя тем, что совершает их во имя высокой цели. Да и вообще, разве можно считать проникновение в дом, который вот-вот сровняют с землей, покушением на право частной собственности?

¹ Так проходит мирская слава (*лат.*).

Бентон перепрыгнул через стену, стремительно пересек заросший сад и укрылся на разрушенной террасе. Убедившись, что все чисто, он нырнул в пустой дверной проем и оказался в обширном прохладном холле. Пахло пылью и старой древесиной. Все ценные вещи из дома вынесли, осталась только никому не нужная сломанная мебель. Бентон быстро обошел первый этаж: гостиная, кухня, внутренний дворик, столовая, комнаты прислуги, кладовые, чуланы, — но не нашел того, что искал. Его это обстоятельство не смутило: он и не ожидал обнаружить предмет своих поисков здесь.

Клайв быстро поднялся по осыпавшейся каменной лестнице на второй этаж. Остановился, выглянул в окно и с тревогой заметил четверых рабочих, продиравшихся через заросли к дому. Надо было раньше приходиться! Но Бентон рассудил, что к пяти часам вечера все наверняка отправятся по домам.

На втором этаже он тоже ничего интересного не обнаружил. Старые сундуки разваливались от одного прикосновения, шкафы пусты, а в нескольких гниющих комодах лежали только одеяла и одежда, и то и другое сильно погрызенное крысами, устроившими здесь гнезда. Хромофотографии украшали стены. Несколько штук валялись на полу: рамы разбиты, изображения выцвели и покрылись бурыми пятнами.

Бентон знал, что чердак находится под мавританским куполом, но никак не мог найти лестницу, которая туда ведет. Бродя по дому, он вдруг услышал голоса, эхом разносившиеся по первому этажу. Голоса и грубый смех.

Поднимутся ли рабочие на второй этаж? Ну конечно, а как же иначе? Наверняка им велено в последний

раз обойти весь дом и удостовериться, что внутри нет ни ценностей, ни нашедших бесплатное жилье бродяг. А значит, они не пропустят ни одной комнаты.

Бентон вышел в центральный коридор второго этажа. Он шагал медленно, осматривая стены. В старинных гасиендах потайные двери — обычное дело. А вот и она. В нише стоит книжный шкаф. На полках лишь несколько изъеденных червями томов. Благодаря тому что шкаф пуст, зазор по внешнему краю особенно бросается в глаза. Бентон подошел к шкафу сбоку, толкнул его плечом. Как Клайв и надеялся, тот повернулся, открывая вход на лестницу, ведущую вверх. Бентон проскользнул туда и осторожно вернул шкаф в прежнее положение. Главное, чтобы рабочие не заметили. Нет, вроде не должны. Они же наверняка не сообразят, что под куполом чердачное помещение... или сообразят?

Бентон взбирался по крутым ступеням винтовой лестницы. Из-под его ног с писком кинулась прочь не ожидавшая вторжения мышь. Вот Бентон поднялся к дощатому потолку с люком. С трудом откинул крышку. Ржавые петли громко заскрипели. Бентон замер, прислушиваясь. Топот по-прежнему доносился только с первого этажа. Судя по смеху, рабочие ничего не слышали.

К удивлению Клайва, маленький чердак оказался забит доверху. Чего здесь только не было: мебель, ящики, шкафы, разбитые зеркала, чемоданы, стол для игры в покер на восемь человек и бесчисленное множество безделушек. Бенсон подтянулся, влез внутрь и стал осматривать помещение. Его появление вспугнуло стаю

голубей, живших в башне на вершине купола. Птицы разлетелись, громко хлопая крыльями. Некоторые из хранившихся на чердаке предметов представляли как минимум небольшую ценность. Должно быть, грузчики, вывозившие мебель, на чердак не заглядывали.

К сожалению, из-за обилия вещей поиски могли затянуться. А деревянный пол такой скрипучий, что трудно не наделать шума. Лучше дождаться, когда рабочие уйдут.

Бентон сел на пол и напряг слух. Голоса приближались: рабочие поднялись на второй этаж. Снова топот. Сквозь щели просачивался запах сигаретного дыма. Нет, потайную дверь им не найти.

Вот только... Они ее нашли! Бентон напрягся, весь обратившись в слух. Кто-то оживленно воскликнул. Вот несколько человек сразу навалились на книжный шкаф, он повернулся и отъехал в сторону.

Сердце пустилось вскачь. Бентон огляделся по сторонам в поисках укрытия. Можно спрятаться в большом шкафу. Хотя нет, рабочие наверняка заглянут внутрь. Бентон поднял крышку сундука, но тот оказался доверху забит всяким хламом. Спрятаться негде. Бентон в ловушке.

Теперь голоса гулко отражались от стен вокруг лестницы. Но подниматься рабочие не спешили. Похоже, подначивали друг друга: кому хватит смелости идти первым?

Их четверо, а Бентон один. Тут он заметил рядом с люком тяжелый сундук. Отлично! То, что надо. Клайв взялся за угол сундука и подтолкнул к люку. Ларь сдвинулся с места. Раздался оглушительный скрип. Внизу сразу стало тихо.

Пожалуй, сундук слишком легкий. Бентон задвинул на крышку люка еще один, а сверху для верности навалил несколько тяжелых предметов мебели. Судя по молчанию внизу, рабочие слышали каждое его движение. Взгромоздив на люк все, что мог, Бентон опустился на пол и замер в ожидании.

— Эй! — прокричал один из рабочих. — Кто там наверху?

Бентон старался не дышать.

— Я спрашиваю — кто там? — снова прокричал мужчина. — Слезай!

Тишина.

— Мы ждем!

Бентон задержал дыхание.

— Слушай, ты, козел, слезай по-хорошему, все равно выгацим!

Раздался приглушенный удар, потом еще один. Рабочие пытались открыть люк. Но Бентон свалил на него не меньше двухсот фунтов всякого хлама. Пусть они попробуют сдвинуть эту громаду с места! Бентон слушал, как пыхтят эти бедняги, и его нервозность сменилась весельем. Вскоре рабочие сдались и забарабанили по люку кулаками.

— Ну, ты сам напросился, друг! Сейчас копов вызовем!

«Давайте-давайте», — подумал Бентон. Сюда полиция будет добираться не меньше получаса, а скорее всего, гораздо дольше. Времени на поиски вполне достаточно.

Порадовавшись, что шуметь теперь можно сколько угодно, Бентон принялся лихорадочно откидывать

крышки сундуков. Рылся в старой одежде и одеялах, доставал старинные игрушки и комиксы сороковых годов, рассыпавшиеся в руках настольные игры и старые школьные учебники. Перебрал кишевшую червями подшивку журнала «Нэшнл джиографик», старые номера «Лайф», «Стэг», «Сатердей ивнинг пост» и «Бойз оун». Кроме журналов, обнаружились связки газет, самые древние из которых датировались чуть ли не временами золотой лихорадки. Бентон усердно искал, а снизу по-прежнему раздавались стук и угрозы. Тут голоса стали удаляться. Рабочие спускались. Через окно башни Бентон увидел, как они вышли во двор. Один держал телефон — похоже, ловил сигнал.

Бентон продолжил поиски. Быстро, но методично обследовал один угол маленького чердака, потом переходил в другой. Но скоро оптимизма поубавилось. Повсюду один гниющий мусор и ни следа того, что ему нужно. Что, если он ошибся?

И вдруг на дне матросского сундука под стопкой стеганых одеял блеснул металлический ящичек. Еще не открыв крышку, Бентон почувствовал: вот оно. Ящичек заперт, но в петлю замка продет ржавый металлический прут. Воспользовавшись им как рычагом, Бентон сорвал замок и дрожащими от нетерпения руками поднял крышку. Внутри лежала стопка писем, крепко перевязанных бечевкой, а рядом с ними — старый журнал для записей в темно-зеленой тканевой обложке, густо облепленной грязью. Бентон взял журнал и медленно открыл, стараясь держать свою находку как можно бережнее.

На первой странице аккуратным женским почерком выведено краткое заглавие.

У Клайва перехватило дыхание. Это сокровище искали многие. Так, значит, святой Грааль для историков, изучающих эпоху западного расширения¹, все-таки существует! Пальцы Бентона дрожали от смеси потрясения и восторга. До сих пор он не осмеливался надеяться, что слухи о журнале — правда. Но даже если это не выдумка, рассчитывать, что ему улыбнется удача и журнал найдет именно он, было бы слишком смело. Роясь в сундуках, Бентон ни на что всерьез не рассчитывал. Но — вот он, журнал, в его руках.

Невероятным усилием воли Бентон преодолел желание углубиться в чтение. Для этого у него еще будет полно времени. А сейчас надо срочно уносить отсюда ноги.

Он положил журнал обратно в ящичек и сунул в рюкзак. Снова подошел к окну. Трое рабочих по-прежнему стояли перед домом. Один из них взобрался на расколотый пьедестал, где раньше стояла статуя, и что-то кричал в телефон. Вот гад! Позвонил-таки в полицию!

Бентон стал быстро отодвигать с люка сундуки. Прислушался. А где четвертый? Подкарауливает его? Но в доме тихо. Наконец Бентон поднял люк. Никого. Лестница пуста. Стараясь двигаться как можно тише, Клайв стал спускаться по ступенькам. Книжный шкаф был отодвинут. Бентон выглянул в проем. Посмотрел в одну сторону, потом в другую. В коридоре никого. Направился к главной лестнице. Вдруг из-за угла

¹ *Западное расширение* — проходившее в XIX веке освоение американского Запада.

выскочил четвертый рабочий. Бентон попался в ловушку.

— Вылез, гад! — гаркнул тот и замахнулся кулаком, целя беглецу в живот.

Застигнутый врасплох, Бентон рухнул на пол, извиваясь от боли и отчаянно пытаясь глотнуть воздуха: от удара у него вышибло дух.

— Здесь он! — радостно заорал рабочий. — Я его поймал!

Потом повернулся к пытавшемуся встать Бентону и пнул его ногой в ребра. Такая агрессивность, а главное, удовольствие, с которым рабочий прибегал к насилию, вывели Бентона из себя. Падая на пол, он выронил рюкзак, но теперь Бентон схватил его, поднял над головой и как следует размахнулся. Металлический ящичек внутри стукнул рабочего по темени. Рабочий попятился и тяжело плюхнулся на пол.

— Убью! — взревел он, поднимаясь на ноги.

Но Бентон уже неся прочь с рюкзаком в руках. Слетел по ступенькам, кинулся в заднюю часть гасиенды, выпрыгнул в открытое окно и поспешил к зарослям на берегу реки Бэр. Рабочий преследовал его по пятам. К нему присоединились остальные трое. Однако Бентон, несмотря на худобу, отличался хорошей физической формой: он много времени провел в горных походах на склонах Сьерра-Невады. Скоро погоня отстала. Ломая ветки, Бентон пробежал между деревьями, съехал вниз по берегу и в туче брызг пронесся по воде к песчаным отмелям. Добравшись до глубокого места, поднял рюкзак над головой и поплыл. Он греб изо всех сил, пока ноги не коснулись песчаного дна.

Вылез из воды, повернулся к рабочим. Те выкрикивали угрозы с другого берега.

Бентон показал им средний палец, потом рысцой поспешил к лесу. Там он сделал большой крюк и снова переправился через реку выше по течению. Оттуда нашел дорогу к машине, воспользовавшись GPS-навигатором в телефоне. Клайв с облегчением убедился, что его блестящий кабриолет по-прежнему стоит в укромном месте, никем не обнаруженный. Он запер рюкзак в багажнике и снова выехал на Вайлд-Айриш-роуд. Через восемь миль свернул на автостраду. По пути встретил две полицейские машины с мигавшими маячками и, не удержавшись, рассмеялся в голос.